

Горский А. В., прот. Слово на день Воздвижения Креста Господня: [«И нося крест свой изыде на глаголемое лобное место, идеже пропяша Его, и с Ним ина два сюду и сюду, посреде же Иисуса» (Ин. 19, 17–18): Произнесено в 1871 г. в академической церкви] // Богословский вестник 1894. Т. 3. № 9. С. 327–335 (3-я пагин.).

СЛОВО НА ДЕНЬ ВОЗДВИЖЕНІЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ *)

И нося крестъ свой изыде на глаголемое лобное мѣсто,—идѣже пропяша Его, и съ Нимъ ина два сюду и сюду, посреде же Иисуса (Іоан. 19, 17. 18).

Вотъ чѣмъ кончился судъ беззаконный! *Царіе земстїи и князи собрашася на Господа и на Христа Его,* — и послѣ многихъ усилій отыскать вину въ Чистѣйшемъ изъ праведниковъ, послѣ всѣхъ измѣнъ и отрицаній со стороны близкихъ къ Нему, послѣ всѣхъ клеветъ, поруганій, біеній въ синагогахъ, послѣ продолжительныхъ изысканій какого либо преступнаго дѣйствія, и убѣжденія въ невинности Предстоящаго на судѣ, послѣ истязаній и безчеловѣчныхъ мученій въ преторѣ, наконецъ произносится смертный приговоръ Сыну Человѣческому. Третицею свидѣтельствовалъ Пилатъ: *ничесоже достойна смерти обрѣтохъ въ Немъ,* — и однакоже *посуди быти прошенію ихъ* (Лук. 23, 22. 24). — Какъ же это случилось?

Въ дѣлахъ человѣческихъ, гдѣ часто трудно бываетъ добраться до правды оттого, что обѣ спорящія стороны не безвинны, и обѣ стараются предвосхитить другъ у друга рѣшеніе спора въ свою пользу, не удивительно, что бываютъ погрѣшности. Какъ же дѣло Божіе не поставило себя въ такомъ свѣтѣ, чтобы не возможенъ былъ никакой погрѣшительный судъ? Какъ судъ неправедный не распался самъ собой? Онъ и дѣйствительно готовъ былъ и не однократно часть. Но нужно было Правдѣ Божіей, чтобы чрезъ самихъ же людей совершился ея неумытннй приговоръ надъ грѣхомъ и ея спасительное промышленіе о чловѣкахъ, — и вотъ совѣтъ Божественный исполнился во всей точности.

*) Произнесено въ 1871 г. въ академической церкви.

Иудеи сперва настаивали на обвиненіи въ томъ, что Господь объявляетъ себя *Царемъ Иудейскимъ*,—прсвращая и перетолковывая по своему званію Мессіи, которое присвоилъ себѣ Господь въ смыслѣ пророчествъ Ветхозавѣтныхъ. На этомъ основаніи они требовали у Пилата, чтобы Иисусъ былъ *распятъ*, по закону Римлянъ, какъ виновный въ замыслахъ политическихъ. Но это обвиненіе не нашло себѣ подтвержденія со стороны правителя, у котораго въ области жилъ Спаситель и въ послѣдніе годы занимался проповѣдію. Иудеи клеветали на Него, будто онъ возбуждаетъ народъ противъ правительства римскаго, внушая не платить ему податей, и хотеть самъ сдѣлаться царемъ. Но въ Галилеѣ никто не слышалъ ничего подобнаго объ Немъ. Тамъ Онъ дѣйствовалъ, какъ написалъ о Немъ пророкъ: *не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на улицѣ гласа Его*. А въ Иерусалимѣ, дня за три до суда, на искусительный вопросъ о дани, Онъ прямо отвѣчалъ: *воздадите кесарева кесареви*. Такимъ образомъ и Пилатъ, хотя не былъ другомъ истины, не могъ не видѣть всей невѣроятности обвиненія политическаго, тѣмъ болѣе, что у мнимаго Царя Иудейскаго не оказывалось никакихъ приверженцевъ, ни какой партіи въ народѣ. Друзья Его и ученики разбѣжались. Народъ не подалъ никакого голоса за Него. Напротивъ, наущаемая первосвященниками, чернь требовала Его на смерть, и даже предпочла Ему мятежника Варавву. Итакъ, обвиненіе въ замыслахъ, опасныхъ для правительства римскаго, совершенно должно было пасть, и правитель римскій, только для того, чтобы не оставить совѣмъ въ пренебреженіи эти вопли и требованія главныхъ виновниковъ волненія, рѣшился подвергнуть ни въ чемъ неповиннаго страдальца бичеванію. Весь изъязвленный, окровавленный, въ терновомъ вѣнцѣ и поругательной порфирѣ представленъ Онъ былъ народу. *Се извожу Его вамъ вонъ изъ судилища моего*, говорилъ Пилатъ прямо обвинителямъ, *чтобы вы знали, что я не нахожу въ Немъ вины* (Іоан. 19, 4). Кончено.—Какъ же случилось, что Господь преданъ на смерть, и смерть именно крестную?

Первосвященники Иудейскіе увидѣли необходимость перемѣнить способъ дѣйствованія. Они находятъ себя вынужденными обратиться къ своимъ правамъ, къ своему закону,

и въ немъ искать новаго обвиненія противъ Пророка Галилейскаго, рѣшились обратиться къ тому самому обвиненію, на основаніи котораго синедріонъ призналъ Иисуса Христа, яко Сына Божія, достойнымъ смерти. Это обвиненіе, хотя и заставляло отказаться отъ надежды видѣть Его на крестѣ (злоупотребляя своимъ закономъ, они могли выпросить у Пилата только позволеніе побить Иисуса камнями, какъ въ послѣдствіи Стефана); но, въ крайности, не желали отказаться и отъ этого удовлетворенія своей ненависти. Итакъ, первосвященники снова приступаютъ къ Пилату съ неистовымъ требованіемъ: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умереть, яко себе Сына Божія сотвори* (Іоан. 19. 7).

Господи! и это ли стерпишь Ты, по Божественной Своей кротости!—Давно ли Ты вопрошалъ учителей израилевыхъ въ храмѣ: какъ это богодухновенный царь Давидъ въ псалмѣ своимъ пророчески называетъ Мессію своимъ Господомъ и говоритъ, что самъ Іегова глаголалъ ему: *сѣди одесную Мене?* И никто изъ учителей израилевыхъ не посмѣлъ возразить Тебѣ, что это не о Мессіи говорится, и не могъ объяснить, почему Давидъ усвоитъ Ему Божественное достоинство. А теперь они, издѣваясь надъ безмолвствующимъ, измученнымъ, поруганнымъ Сыномъ Человѣческимъ, требуютъ жизни Твоей во имя закона, котораго Самъ Ты былъ учредителемъ и вѣрнѣйшимъ исполнителемъ!

Уже двукратно прежде, въ этомъ самомъ Іерусалимѣ, мнимые ревнители закона вооружались противъ Господа Иисуса камнями, когда онъ начиналъ говорить имъ о Своемъ Предвѣчномъ бытіи, когда указывалъ на то, что Его жизнь не измѣряется лѣтами человѣческаго бытія, что Онъ былъ прежде нежели Адамъ родился (Іоан. 8, 58 — 59), или когда свидѣтельствовалъ о Своемъ единствѣ со Отцемъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (10, 30). И никогда не было у нихъ лучшаго доказательства своихъ словъ и сильнѣйшаго возраженія противъ свидѣтельства Сына Божія, кромѣ насилія.—Не безъ особеннаго намѣренія Божія и теперь, обвиненіе это въ присвоеніи себѣ имени Божія, принятое на судѣ синедріона, поставлено на видъ и на судѣ Пилата. Въ синедріонѣ не отрёкся отъ него Сынъ Человѣческій, и это исповѣданіе послужило основаніемъ для смертнаго про-

тивъ Него приговора. На судѣ Пилата снова должна была открыться неизмѣнность сего исповѣданія и тѣмъ доказать, что Божественный Посланникъ всегда и вездѣ былъ Себѣ вѣренъ, что не приверженность друзей, не позднѣйшее какое либо уклоненіе отъ чистаго ученія Иисуса Христа, какъ утверждаютъ лжемудрые учителя, дало Ему и утвердило за Нимъ имя Сына Божія; ибѣтъ, оно засвидѣтельствовано, предъ лицомъ міра іудейскаго и языческаго, собственнымъ Его двукратнымъ исповѣданіемъ, утверждено Его кровію еще сильнѣе, чѣмъ множествомъ Его чудесъ. При благоприятномъ оборотѣ дѣла, послѣ обличенія всей лживости обвиненія въ самозванническомъ присвоеніи Себѣ имени Царя, стоило только сказать слово Пилату, что новое обвиненіе въ присвоеніи Себѣ имени Сына Божія еще менѣе справедливо, — и обвиняемый навѣрное былъ бы освобожденъ. — Да и теперь что?

Новое обвиненіе противъ Господа Иисуса произвело неожиданное дѣйствіе: оно сильно поразило римскаго правителя Іудеи. Судить и разбирать Его не почиталъ онъ себя въ правѣ: первосвященники основывали его на своемъ законѣ. Тѣмъ не менѣе Божественная кротость Обвиняемаго, Его величественное спокойствіе при всѣхъ истязаніяхъ, обличеніе неправды прежняго обвиненія, явная вражда обвинителей и еще недавно, во время самаго суда надъ Иисусомъ принесенное ходатайство за Него жены Пилатовой, которая въ сновидѣніи не только получила удостовѣреніе въ невинности Божественнаго страдальца, но и сама испытала не мало безпокойства и страданія за Него, — все это казалось Пилату крайне загадочнымъ. Онъ рѣшается снова призвать Иисуса въ свою судебную палату, и предложить Ему не судебный допросъ, но предложить нѣкоторые вопросы о Его лицѣ.

Откуда еси Ты? спрашивалъ Его Пилатъ. На судѣ уже было раскрыто, что Онъ пришелъ изъ Галилеи. Конечно, Пилатъ зналъ, что Онъ былъ изъ Назарета, какъ это было означено и въ надписи на крестѣ. Слѣдовательно, исторія Его земнаго происхожденія, болѣе или менѣе вѣрно и полно, была передана Пилату. Вопросъ его относился къ другой, высшей области бытія. *Откуда еси Ты?* По своимъ прежнимъ вѣрованіямъ Пилатъ могъ думать, что видитъ предъ

собою какое нибудь лице изъ сонма боговъ, которыхъ ни-схожденіе на землю допускала религія языческая.— *Иисусъ же отвѣта ему не даде.* Посланникъ Божій и отъ духовъ нечистыхъ не принималъ исповѣданія Его Сыномъ Божиимъ, но заставлялъ ихъ молчать: и теперь Онъ безмолвствовалъ. Прямое исповѣданіе Себя Сыномъ Божиимъ могло подать поводъ язычнику къ смѣшенію Его Лица со множествомъ чтимыхъ язычниками боговъ. Посланничество Сына Божія на землю объяснялось только закономъ и пророками народа Божія, къ которымъ римскій правитель отнюдь не имѣлъ вѣры. *Отвѣта не даде ему.* Божіе Слово, какъ сокровище, дается въ долгъ нуждающемуся и просящему съ тѣмъ, чтобы возвращено было съ лихвою. Кто уплатитъ взятое, тому дается вновь еще съ большею довѣренностію. А кто не расплачивается, тому однажды повѣрятъ, а больше не даютъ. Пилать не вѣрнопъ оказался первымъ сообщеніямъ, полученнымъ отъ Господа, не воспользовался очень яснымъ приглашеніемъ быть въ числѣ друзей истины, Христомъ возвѣщаемой, содѣлаться членомъ Его царства; съ сомнѣніемъ отозвался: что такое истина? И теперь Господь болѣе не повѣряетъ ему Своихъ тайнъ. *Иисусъ же отвѣта не даде ему.*—Но и теперь, если бы Пилать хотѣлъ глубже вникнуть въ это божественное молчаніе, гдѣ истина очевидно не скрывалась желаніемъ самосохраненія, но только охранялась достойнымъ ея покровомъ, и теперь онъ могъ бы въ самомъ этомъ молчаніи услышать отвѣтъ на свой вопросъ. Ясно было, что Тотъ, *Кто на сіе родился и на сіе пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать истину* (Іоан. 18, 37), не попустилъ бы Себѣ свято-татственно присвоить Божеское имя и достоинство.

О, какъ внимательно, какъ благоговѣнно надлежитъ обходиться съ истиною! Какъ легко можно утратить ея пониманіе, своимъ неуваженіемъ къ ея свидѣтельству. И въ какой мракъ впадемъ, пренебрегши однажды ея святое слово!

Самъ виновный въ преступномъ невниманіи къ слову Сына Божія, Пилать считалъ однако же себя вправѣ гнѣваться на это молчаніе, обижаться имъ! — *Мнѣ ли не глаголеши? Не вси ли, яко власть имамъ распяти Тя, и власть имамъ пустити Тя* (Іоан. 19, 10)? Какъ ничтожно это хвастливое величаніе властію предъ судомъ

истины!—Если подлинно въ твоихъ рукахъ власть отпустить, для чего же ты давно ею не воспользовался, признавъ Обвиняемаго ни въ чемъ неповиннымъ? Для чего ты позволяешь волноваться народу? Для чего ставишь Неповиннаго на одну доску съ разбойникомъ Вараввой? Для чего Праведнаго предаешь мучительнымъ истязаніямъ, поруганію?—Итакъ, значить, нѣтъ у тебя власти *отпустить* Стоящаго на судѣ предъ тобою: ты самъ себя лишилъ ея. Но нѣтъ у тебя власти и *распятъ* Его. Гордый представитель державнаго Рима, выслушай приговоръ Божественной правды о твоихъ правахъ. *Не имаша власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше* (ст. 11). *Свыше*—не Тиверіемъ Кесаремъ, а Всевышнимъ Царемъ. *Дано свыше*. О, если бы ты могъ разумѣть величіе настоящей минуты, если бы ты понималъ, какое значеніе въ настоящемъ случаѣ имѣеть та власть, которою ты превозносишься!—Язычникъ не понималъ, для чего дана ему эта власть, но ты, христіанинъ, ты долженъ знать и знаешь, для чего это было ему дано. Нужно было, чтобы міръ своимъ неправеднымъ судомъ самъ противъ себя подписалъ приговоръ предъ лицомъ Правды Божіей. Къ нему посланъ Сынъ Божій, Ходатай за него, Искушитель его. И онъ, этотъ міръ, вопреки вѣчной правдѣ самъ предалъ Его на смерть!—Пусть же знаетъ міръ, что нѣтъ для него иного средства къ умоливленію Бога, какъ обратиться съ вѣрою, молитвою и поканіемъ къ Тому Самому, Котораго незаконно предалъ онъ на смерть.—Сказалъ свое богоубійственное слово синедрионъ устами Каіафы, назвавъ своего Мессію богохульникомъ. Пусть скажетъ свое богоубійственное слово и міръ языческій, устами представителя державнаго Рима, да будетъ весь міръ, Іудейскій и языческій, повиненъ предъ Богомъ, и да вѣдастъ весь міръ, что *нѣсть иного имене подѣ небесемъ; о немъ же подобаетъ іудею и язычнику спастися*, кромѣ имени Господа Іисуса Христа (Дѣян. 4, 12). Пусть весь міръ знаетъ, что судьба Іисуса рѣшается не по приговору какой нибудь случайной прихоти, но во имя власти, какой тогда не было выше на землѣ.

Дано тебѣ свыше. Но не думай, что этимъ оправданъ, обезвиненъ ты въ своихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ. *Сего ради предавай Мя тебѣ*, продолжалъ Господь, *болій грѣхъ*

имать (ст. 11). Предстоящій на судѣ Самъ изрекаетъ судъ Своему судіѣ, судъ правый, но вмѣстѣ и благій! Кротость и милосердіе Страждущаго не отяготятъ участи несчастнаго судіи свыше мѣры. Каждый отвѣчаетъ за свой грѣхъ. Пилать зналъ, что онъ подвергаетъ наказаніямъ Неповиннаго, и—онъ *грѣхъ имать*. Ему сказано было, что предъ нимъ Царь истины, сама Истина, которая отъ своего слова отступиться не можетъ: и онъ *грѣхъ имать*, за то, что не послѣдовалъ ея голосу. Пилать самъ запрашивался на разрѣшеніе вопроса: Иисусъ Назарянинъ не есть ли подлинно Сынъ Божій? Но Сынъ Божій, предвидя его невѣрность, не усугубилъ его отвѣтственности новымъ откровеніемъ о Своемъ лицѣ.— Но Каіафа зналъ не только невинность Галилейскаго Пророка во всѣхъ возносимыхъ на Него клеветахъ, но и зналъ, или долженъ быть знать, кого и когда обѣщаль послать Богъ народу израильскому и всему міру для спасенія его, зналъ о безчисленныхъ чудесахъ, доказывавшихъ Божественное посланничество Иисуса, зналъ и на судѣ своемъ заклинаніемъ вынудилъ у Иисуса торжественное объявленіе, что Онъ есть Сынъ Божій,—и не смотря на все это предалъ Его Пилату. Сего ради Каіафа, предавший Сына Божія Пилату, *боліи грѣхъ имать*.

Сіе то нелицепріятное, но вмѣстѣ снисходительное обличеніе судіи римскаго повело было къ совершенному освобожденію. *Оттолкъ искаше Пилатъ отпустить Его* (ст. 12). Значить, все доселѣ сдѣланное Пилатомъ для избавленія Иисуса признано недостаточнымъ, и Пилать сталъ *искать* (только теперь сталъ искать) болѣе дѣйствительныхъ средствъ освободить Узника отъ смерти, исхитить Его изъ рукъ враговъ Его.—Но и тѣ не дремали. Они уже приберегли на рѣшительный бой такое оружіе, которое навѣрное могло сразить Пилата. *Аще сего пустивши, нѣси друзъ кесарева*. Вотъ что объявили Пилату первосвященники. Это значило: если ты не исполнишь нашу волю, то полетятъ доносы въ Римъ, что ты покровительствуешь человѣку опасному для владычества кесарева въ сей странѣ, — и ты можешь гадать, чего ожидать тебѣ отъ подозрительнаго и жестокаго Тиверія.—И вотъ, чего не сдѣлали всѣ опасенія за благосостояніе общественное, чего не произвело уваженіе къ закону религіозному, чего не вынудилъ страхъ предать смерти

Божественнаго Посланника, то совершила привязанность къ личному интересу. Пилать самъ собою, безъ дальнѣйшихъ напоминаній, снова обращается къ извращенному, представленному въ ложномъ свѣтѣ обвиненію Іисуса въ именованіи себя Царемъ. *Се Царь вашъ*, говоритъ онъ съ язвительною насмѣшкою народу, представляя имъ еще разъ измученнаго страдальца. *Царя ли вашего распну?* И наконецъ, какъ бы уличеннаго въ самозванствѣ, предаетъ Его на распятіе, и пишетъ вину Его на крестѣ: *Царь Іудейскій*.—Такъ исполнилось, по замѣчанію евангелиста Іоанна, слово, *еже рече Іисусъ, назнаменуя, кою смертію хотѣше умерети*,—когда говорилъ о крестѣ (18, 32). Совѣтъ человѣческой едва не раззорился, но совѣтъ Божій долженъ былъ исполниться, и онъ исполнился во всей строгости. Языческій представитель верховной власти въ мірѣ изрекаетъ смертный приговоръ Искупителю міра, и именно смерти крестной!

Братіе! мы слышали, по суду самого Судіи міра на Пилатѣ менѣе было грѣха, чѣмъ на предавшемъ Іисуса Пилату, Каіафѣ съ сонмомъ іудейскимъ! А что, если бы нашлись и между христіанами виновные въ новомъ предательствѣ своего Господа. Менѣе ли было бы на нихъ грѣха, чѣмъ на іудеяхъ, или на язычникахъ? Или, напротивъ, судъ Божіей Правды тѣмъ съ большею тяжестью обрушится на сынахъ Новаго Завѣта, чѣмъ обильнѣйшихъ они сподобились даровъ благодати, чѣмъ болѣе имѣли возможности дознать по достовѣрнымъ повѣствованіямъ учениковъ Христовыхъ, по дѣйствіямъ христіанства въ исторіи человѣчества, по внутреннему опыту, дознать Его Божественную силу, и слѣдовательно Божественное достоинство самого Искупителя міра? *Земля, пившая многократно сходящій на нее дождь,—и производящая тернія и волчцы, негодна и близка къ проклятію, котораго конецъ сожженіе* (Евр. 6, 7. 8).—*Много согрѣшаемъ вси*, исповѣдуетъ ап. Іаковъ (3, 2). И каждый грѣхъ есть измѣна въ отношеніи къ обязанностямъ нашимъ къ распятому за насъ Искупителю нашему. Но грѣхъ состоитъ не въ томъ только, что открыто нарушаемъ законъ, но и въ томъ, если, зная доброе, не творимъ добра. *Въдущему добро творити и не творящему, грѣхъ ему есть* (Іак. 4, 17). Итакъ, если мы,

призванные, при помощи благодати Божіей, *быть святыми и совершенными, якоже Отецъ нашъ Небесный святъ и совершенъ есть*, и получившіе для этого всѣ средства отъ нашего Искушителя, живемъ безопасно во грѣхахъ, съ каждымъ днемъ не совершенствуемся, но становимся хуже, то съ кѣмъ ставимъ себя наравнѣ? — Есть въ настоящее время враги, не менѣе опасные, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ пали Пилать и Каіафа. Есть у общественныхъ дѣателей свой кесарь Тиверій, котораго оскорбить они боятся, это—общественное мнѣніе, которое, не справляясь съ судомъ Божиимъ, не рѣдко бѣлое называетъ чернымъ, и черное бѣлымъ. Есть въ области вѣры свой Каіафа, мнящій найти себѣ опору въ самомъ Евангеліи,—это лжемудрое іудействующее разумѣніе слова Божія. Но еще страшнѣе, еще гибельнѣе,—потому что всегда къ намъ ближе, отъ насъ не отступнѣе владычество гнѣздящагося въ насъ пилатова демона—преклоненія предъ личными интересами, вопреки совѣсти, закону, вѣрѣ.

Господи! избави насъ отъ окаянства Твоихъ предателей.—Аминь.

Прот. А. Горскій.
